

Харьков, 1894.

Таганрогские таланты.

II.

А. П. Чеховъ.

Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ полненья
Внимать невозможно.

Дерматовъ.



Нужно быть особенно наблюдательнымъ, чтобы не замѣтить въ нашей современной литературѣ одного, отчасти интереснаго, хотя и очень грустнаго, явленія. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: изрѣдка среди цѣлаго ряда сѣрыхъ, безцвѣтныхъ вещей появится вдругъ сколько-нибудь порядочный разсказъ, повѣсть или романъ, и критика разомъ почти во всѣхъ журналахъ начинаетъ не то, чтобы очень расхваливать ихъ, но съ особеннымъ усердіемъ заниматься и ими, и самимъ авторомъ. При этомъ фамилія автора является для читателей совершенно новою, и они по простотѣ своей думаютъ, что рѣчь идетъ о молодомъ дебиантѣ и о первомъ его произведеніи. Но каково же бываетъ ихъ удивленіе, когда вскорѣ они узнаютъ, что каждый изъ такихъ предполагаемыхъ дебиантовъ, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ десять, какъ уже подвизается на литературномъ поприщѣ... Читатели вдругъ узнаютъ, что имя автора, которое они сочли новымъ, совсѣмъ уже не новое. Тотъ же самый авторъ, оказывается, долгое время передъ тѣмъ печаталъ разнаго рода сочиненія и

сочиненья, — болѣе или менѣе несоотвѣтствующія его таланту, — при чемъ скрывался подъ псевдонимами или даже подписывалъ свою настоящую фамилію...

Въ послѣднее время подобная исторія въ литературѣ недавно произошла съ г. Потапенко. То же самое было и съ другими лучшими молодыми писателями нашего времени, съ гг. Короленко, Баранцевичемъ, Мачтетомъ и съ нашимъ согражданиномъ — А. П. Чеховымъ.

Дѣйствительно-ли всѣ эти писатели съ первыхъ шаговъ своихъ не имѣли права на вниманіе критики, или критика современная очень ужъ близорука и недовѣрчива, или кое-какія постороннія препятствія держатъ теперь долгое время всякаго начинающаго писателя въ истинной литературѣ, — обо всемъ этомъ пришлось бы много говорить, да здѣсь и не мѣсто. Скажемъ только, что положеніе современныхъ начинающихъ писателей гораздо хуже положенія прежнихъ уже потому, что прежде литература еще не блистала такими талантами, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Щедринъ, Достоевскій, Толстой и другіе. Но это — только одна причина; кромѣ нея, наберется довольно другихъ.

Въ прошлой нашей статьѣ мы говорили о поэтѣ Щербинѣ, какъ о писателѣ, давно уже сошедшемъ съ жизненной сцены и, слѣдовательно, — по крайней мѣрѣ, со стороны его писательской дѣятельности — вполне опредѣлившимся. Понятно, что о Чеховѣ не можетъ быть такой рѣчи. Г. Чеховъ — писатель настоящаго, переживаемаго нами времени, и хотя уже далеко не начинающій писатель, но все же еще молодой, *главная* дѣятельность котораго небезосновательно ожидается въ будущемъ.

Бритика наша уже неоднократно и много говорила о г. Чеховѣ. Мы постараемся въ главныхъ чертахъ передать здѣсь ея мнѣнія объ этомъ писателѣ—нашемъ согражданинѣ и, полагая, что всякому человѣку должно «смыслъ—свое сужденіе имѣть», позволимъ себѣ также искренно высказать и нѣкоторые свои собственные взгляды по тому же поводу. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что мы намѣрены писать «критическую» статью. Мы выскажемъ свое мнѣніе такъ, какъ это сдѣлалъ бы всякій обыкновенный читатель, не лишенный литературнаго пониманія и вкуса, а въ ошибкахъ могутъ насъ уличить, если найдутъ ее дѣйствительно. Мы убѣждены, что безусловное расхваливаніе съ чужого голоса или подобострастное, рабское отношеніе столько же оскорбительны для всякаго порядочнаго автора, сколько и грубая фамильярность и мелочныя придирки. Оговорки эти излишни, но, къ сожалѣнію, неизбежны;—теперь можемъ перейти къ дѣлу.

Антонъ Павловичъ Чеховъ—второй видный талантъ изъ Таганрога. Здѣсь въ Таганрогѣ онъ родился, здѣсь же и окончилъ гимназію, послѣ чего поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. По окончаніи университета занимался нѣкоторое время, въ качествѣ врача, медицинскою практикою.

Теперь, какъ мы слышали, практику эту онъ добровольно оставилъ и отдался исключительно своему призванію—литературному труду. Въ настоящее время ему 30 лѣтъ,—возрастъ, въ которомъ многіе писатели на Западѣ и нѣкоторые у насъ только начинали печатать свои произведенія.

На писательское поприще г. Чеховъ выступилъ довольно рано, но цѣлыхъ девять лѣтъ принужденъ былъ писать подъ псевдонимами въ юмористическихъ журналахъ недостойныя его таланта вещицы и, благодаря тому, оставался неизвестнымъ, пока не перемѣнилъ родъ писанія на болѣе серьезный. Признаютъ, что время этого сотрудничества въ юмористическихъ журналахъ есть безплодно потраченное время для таланта г. Чехова, но едва-ли можно винить въ этомъ автора. Прошло то далекое блаженное время, когда каждый почти благополучный юноша «упражнялся» въ «россійской» словесности, а обиліе благодушныхъ критиковъ обезпечивало успѣхъ этихъ «упражнений», если въ нихъ проглядывала хотя искра таланта или подобія его. Въ наше время тяжелую школу долженъ пройти всякій начинающій писатель, который хочетъ пробить себѣ дорогу *только* своимъ талантомъ и трудомъ, брезгая всякими другими средствами. Примѣровъ этому можно было бы довольно найти въ нашей современной литературѣ, но это удалило бы насъ въ сторону отъ главнаго предмета статьи...

Г. Чеховъ издалъ уже нѣсколько книжекъ своихъ разсказовъ и очерковъ, изъ которыхъ три послѣднія: «Въ сумеркахъ», «Разказы» и «Хмурые люди» пользуются особымъ вниманіемъ публики и критики. Разказы эти появлялись въ печати и отдѣльно, до изданія ихъ книжками, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Новомъ Времени», и по поводу каждаго изъ нихъ критика въ свое время высказывала всегда нѣсколько разнорѣчивые взгляды: либеральная упрекала автора въ безы-

дейности, не отрицая въ немъ все-таки замѣтнаго таланта; ретроградная—не столько хвалила его за талантъ, сколько именно за эту будто бы безыдейность, причемъ всегда старалась пристегнуть его къ своему лагерю, записать въ свою клику ликующихъ и празднующихъ.

Встрѣчая это разногласіе въ отзывахъ критики, мы всегда интересовались провѣрить ихъ на самыхъ произведеніяхъ г. Чехова и внимательно прочитывали нѣкоторыя изъ нихъ въ журналахъ, а также прочли ихъ и въ отдѣльномъ изданіи. Впечатлѣніе получилось не совсѣмъ сходное съ вынесеннымъ изъ чтенія критики. Можетъ быть, это и грѣшно, и самонадѣянно, но такъ было дѣйствительно, и не сознаться въ этомъ съ нашей стороны было бы просто лицемеріемъ. Прежде всего насъ удивляетъ, что г. Чехова упрекаютъ въ безыдейности, очевидно не принимая во вниманіе ни свойствъ его таланта, ни естественнаго хода развитія этого таланта. Г. Чеховъ, на сколько можно судить по его рассказамъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей-беллетристовъ, философское міросозерцаніе которыхъ слагается постепенно *черезъ творчество*. У насъ въ Россіи особенно преобладаютъ писатели этого рода, и между ними можно назвать даже нѣсколькихъ нашихъ классиковъ...

Суди о г. Чеховѣ по первымъ его двумъ серьезнымъ книжкамъ: «Въ Сумеркахъ» *) и «Рассказы»,

*) За книжку рассказовъ „Въ сумеркахъ“ Ант. П. Чехову была присуждена Академіей наукъ вторая пушкинская премія. Первую получилъ А. Майковъ за книжку стихотвореній.

нельзя не поразиться тонкостью его наблюденій, живою и мягкою поэтичностью рассказовъ и не замѣтить въ авторѣ искренняго сочувствія ко всему забитому, страдающему и несчастному въ мірѣ. Но въ то же время все это у г. Чехова дѣлается съ поразительнымъ спокойствіемъ: ровно, плавно, не горячась,—*sine ira et studio*,—будто и въ самомъ дѣлѣ актеръ совершенно равнодушенъ къ описываемому имъ предмету или явленію и не видитъ въ немъ ничего, кромѣ простого матеріала для хорошей картины... Мы въ этомъ, конечно, сомнѣваемся. Во-первыхъ, потому, что г. Чехову не всегда это удается: мѣстами у него все-таки вырываются субъективныя нотки, хотя онъ сейчасъ же нарочно ихъ обрываетъ. Притомъ же легко замѣтить, что г. Чеховъ, вообще, избѣгаетъ затрогивать современные спорные вопросы и тщательно скрываетъ свои собственные мнѣнія о вещахъ. Онъ только рисуетъ картину, рисуетъ мастерски и вѣрно, такъ что каждая изъ нихъ стоитъ у васъ точно передъ глазами, но, рисуя картину, онъ въ то же время какъ будто говоритъ: «Смотрите и думайте, что хотите. Я вамъ объяснять ея смысла не желаю. Я беру только обыкновенныхъ людей въ извѣстные моменты ихъ жизни и представляю вамъ положенія ихъ въ эти моменты. Все это само по себѣ интересно въ жизни, а воспроизведенное искусствомъ—тѣмъ болѣе».

И читатель ничего не можетъ сказать противъ поэтичности картинныхъ рассказовъ г. Чехова, противъ ихъ вѣрности съ обыкновенной дѣйствительностью, но въ то же время ему нельзя не удивляться тому спо-

койствію, тому отсутствію страстности, съ которыми г. Чеховъ одинаково рисуетъ и отрадные, и грустные явленія жизни. Читатель видитъ въ авторѣ человѣка талантливаго, мыслящаго, образованнаго, замѣчаетъ въ немъ добрую чувствительную душу и искреннюю любовь къ человѣчеству, и между тѣмъ на ряду съ этими качествами авторъ обнаруживаетъ, на глазахъ того же читателя, совершенное равнодушіе ко всему тому, отъ чего зависитъ благополучіе или страданіе, несомнѣнно, любимаго имъ человѣчества. Читателю кажется просто непостижимымъ, что авторъ, обладая всѣми данными, чтобы идти дальше факта въглубь къ его причинамъ и слѣдствіямъ, однако не дѣлаетъ этого и спокойно, если можно такъ выразиться... *играетъ* съ самимъ фактомъ.

Мы думаемъ, что объяснить это можно вотъ чѣмъ: въ тѣхъ двухъ книжкахъ, о которыхъ мы говоримъ, г. Чеховъ является не болѣе, какъ начинающимъ писателемъ. Онъ наблюдаетъ жизнь, изучаетъ ее, но проносить надъ ней свой судъ просто не рѣшается, потому что относится къ себѣ серьезно и скромно и не хочетъ впасть въ ошибку. Чужихъ словъ, общихъ мѣстъ ему повторять не хочется, а чтобы произнести, дѣйствительно, *свой* судъ, чтобы сказать, дѣйствительно, новое слово, нужно имѣть всѣ данныя, чтобы совершенно увѣровать въ себя, что не такъ-то легко для умнаго и честнаго человѣка въ наше время сомнѣній, разочарованій и... пустоты.

Немудрено, что авторъ предпочитаетъ пока руководиться тѣмъ направленіемъ, которое прекрасно выразилъ еще Веневитиновъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ, какъ океанъ безбрежный:
Найду ли я утѣсь надежный,
Гдѣ твердой обонусь ногой?!..
Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду съ ужасомъ глядѣть
На перемѣчивыя волны,
Не зная: что любить, что цѣть?..
Открой глаза на всю природу,
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ,
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай“.

Правда, при всемъ желаніи г. Чехова быть совершенно объективнымъ художникомъ, въ его сочиненіяхъ все-таки проглядываютъ мѣстами нѣкоторыя странныя мнѣнія, повидимому, навязанныя ему и совѣмъ къ нему не подходящія. Такъ, весьма замѣтно у него сочувствіе извѣстному ученію о непротивленіи злу и, кромѣ того, нѣкоторое невѣріе въ силы человѣчества, нѣкоторая склонность къ далеко не новой уже философіи малодушія, которой долженъ избѣгать всякій мыслящій человѣкъ, какъ пути къ рутинѣ и застою. Къ тому же у г. Чехова все какъ-то изображается мягко, красиво, мирно, невозмутимо, будто и въ самомъ дѣлѣ во всей жизни только и есть что красивое, мирное и невозмутимое. А этому очень рады извѣстнаго сорта люди, которые не прочь отъ красивыхъ картинъ, но не любятъ, чтобы казнили ихъ преступную совѣсть, и эти

люди рукоплещутъ Чехову именно за то, похвала чему можетъ только оскорбить писателя и вызвать въ его душѣ глубокое къ нимъ презрѣніе и сожалѣніе...

Эти люди имѣютъ обыкновеніе ссылаться на бѣднаго Пушкина. Они мастера привести изъ него, въ доказательство своихъ смѣшныхъ взглядовъ на призваніе художника, хотя бы такой отрывокъ:

„Зачѣмъ кружится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пылъ несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой?—Спроси его!..
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона.
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?..
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы—*нѣтъ закона!*
Гордись,—таковъ и ты поэтъ!
И для тебя закона нѣтъ!“

Но удивительно, какъ не понимаютъ, или не хотятъ понять эти мудрецы, что Пушкинъ разнообразенъ, какъ міръ, и что поэтому у него люди всякаго образа мыслей могутъ найти для себя что-нибудь подходящее. Пушкину простительно было и «ножки восторгаться», потому что онъ не одиными только ножками восторгался, а умѣлъ быть и дѣйствительнымъ пророкомъ, умѣлъ не падать себя изъ любви къ истинѣ, умѣлъ вдохновлять людей своими стихами. Какъ оплевалъ бы Пушкинъ всѣхъ этихъ лжетолкователей, если бы

могъ встать изъ гроба!.. Взять хотя бы приведенный выше отрывокъ. Развѣ не видно въ немъ минутнаго увлеченія красивой мыслью, великолѣпнымъ парадоксомъ? Отрывокъ этотъ блещетъ поэзіей, но развѣ на него можно ссылаться, какъ на доказательство безпринципности въ дѣятельности поэта? Пушкинъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ имъ сказать, что поэтъ свободенъ въ выборѣ своихъ сюжетовъ, но никакъ уже не хотѣлъ имъ установить факта безпринципности художника примѣрами вѣтра, орла и сердца дѣвы. Что такое вѣтеръ, какъ не стихійная, значить, просто неразумная сила? Что такое, въ сущности, орелъ, какъ не глухая, потому что кровожадная, птица? Мудрено ли, что вѣтру и орлу нѣтъ закона? Да нѣтъ ли имъ еще закона! А сердце дѣвы, какъ мы видимъ теперь даже въ нашей интеллигентной средѣ, въ большинствѣ случаевъ руководится не чѣмъ инымъ, какъ половыми инстинктами, а то и чисто коммерческими соображеніями. Можно ли сравнивать всѣхъ этихъ представителей стихійной глупости съ поэтомъ, —человѣкомъ, одареннымъ могучею и сознательною силою ума и души, съ поэтомъ, чье назначеніе быть *«совѣстью века»*, по мѣткому опредѣленію Щербинны?!...

Въ большинствѣ своихъ разсказовъ Чеховъ изображаетъ такіа явленія жизни, которые сами по себѣ, хотя и не представляютъ особенно серьезнаго значенія, тѣмъ не менѣе способны интересовать, даже плѣнять и волновать *всякаго* чловѣка. Словомъ, это все то именно въ жизни, все то именно звуки ея, которыхъ

... значенье
Темно или ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у г. Чехова всегда сквозить какое-то уныніе, какая-то затаенная грусть, и причины этой грусти нѣсколько выясняются лишь въ одномъ изъ позднѣйшихъ его рассказовъ:—въ «Огняхъ», когда въ концѣ этого рассказа у автора вырывается горькое восклицаніе: «Ничего не поймешь на этомъ свѣтѣ!» Тутъ ужъ становится понятнымъ, что г. Чеховъ далеко не картинки только рисуетъ для удовольствія сибаритовъ. Тутъ дѣлается яснымъ, что авторъ всѣхъ этихъ картинокъ доискивается смысла жизненныхъ явленій, груститъ надъ ними, страдаетъ изъ-за нихъ душевно: и это исканіе правды продолжается у него дальше, выражаясь то порывами отогнать отъ себя всякія грустные мысли (что замѣтно въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рассказахъ), то отчаяніемъ, какъ въ драмѣ «Ивановъ» или въ «Скучной исторіи» («Хмурые люди»).

Вообще, достоинство произведеній Чехова заключается не въ замысловатости сюжетовъ, не въ особенной увлекательности дѣйствія, но только въ жизненной правдѣ, поэтичности и простотѣ ихъ. Никакими выписками и пересказами нельзя дать вполне точнаго понятія объ этомъ ихъ достоинствѣ, почему мы и советуемъ читателямъ, знакомымъ съ произведеніями этого автора, обратиться къ нимъ непосредственно. Единственно, что мы сдѣлали-бы, — это съ удовольствіемъ бы поговорили о *каждомъ* изъ главныхъ произведеній Чехова—

отдѣльно, но статья наша имѣетъ опредѣленные размеры, и намъ остается ограничиться лишь общими указаніями. По нашему мнѣнію, лучшіе рассказы Чехова — это: «Мечты», «Святою ночью», «Палихида», «Вѣрочка», «Вѣдьма» и почти всѣ остальные въ книжкѣ «Въ сумеркахъ». Затѣмъ «Стень», «Перекасти-поле», «Счастье», «Письмо», «Тина», «Поцѣлуй» — въ «Рассказахъ» и — «Скучная исторія», «Непріятность», «Припадокъ» въ «Хмурыхъ людяхъ». «Огни» — также замѣчательный рассказъ, достойный *серьезнаго*, а не *легкомысленнаго* вниманія: въ этомъ рассказѣ обрисованъ весь ужасъ, весь трагизмъ положенія таганрогскихъ интеллигентныхъ женщинъ, и впервые выяснилось опредѣленно стремленіе автора проникнуть въ смыслъ жизненныхъ явленій. Мы утверждаемъ это, не смотря на преобладающій равнодушный тонъ рассказа и подтруниванія автора надъ стремленіемъ къ анализу жизни... О драмѣ «Ивановъ» мы должны сказать, что никогда не согласимся съ мнѣніемъ, будто бы эта драма — насквиля на людей шестидесятыхъ годовъ. Ничего этого нѣтъ. Изъ самой драмы видно, что авторъ любитъ людей этой эпохи: представители современности въ его драмѣ, за исключеніемъ Саши и жены Иванова, — пошлы, дрянны въ сравненіи съ Ивановымъ, даже Лебедевымъ и графомъ Шабельскимъ, какъ это и есть, за рѣдкими исключеніями, въ дѣйствительности.

Вообще, изъ произведеній Чехова явствуется, что онъ талантливый художникъ и *человѣкъ* достойный

уваженія. Но путь его только начать. Все, что онъ написал до сихъ поръ, представляется намъ не болѣе, какъ опытами, и если онъ прославилъ себя уже и этими опытами, то во всякомъ случаѣ слава эта еще непрочна; она утвердится и возвысится лишь съ будущими произведеніями г. Чехова, отъ которыхъ, судя по послѣднимъ его вещамъ, можно ожидать лучшаго. Навѣрное предсказать, что станетъ съ талантомъ г. Чехова, конечно, нельзя, особенно въ наше милое время, но можно надѣяться, что скоро онъ вступитъ на тотъ путь, по которому шли все наши лучшие писатели. Сколько бы ни сдерживалъ себя г. Чеховъ, передъ нимъ рано ли, поздно ли останутся лишь двѣ дороги: или путь малодушія и безцвѣтности, или путь борьбы со зломъ, гдѣ бы оно и въ какомъ видѣ ни проявлялось. Выборъ пути—дѣло его таланта. Теперь именно, какъ намъ кажется, наступилъ самый интересный моментъ въ литературной дѣятельности г. Чехова. Послѣ какихъ-то порывистыхъ, судорожныхъ рассказовъ въ «Хмурыхъ людяхъ» («Володя», «Шампанское», «Спать хочется»), послѣ мрачной «Скучной исторіи» вотъ уже около года, какъ Чеховъ молчитъ. Въ «Новомъ Времени» уже давно не появлялось его рассказовъ, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»—также... Прошлую весну и лѣто г. Чеховъ путешествовалъ по Сибири, побывалъ на островѣ Сахалинѣ въ средѣ каторжниковъ. Теперь онъ поѣхалъ за границу. Путешествіе не бываетъ безъ впечатлѣній для всякаго человѣка, тѣмъ болѣе—для писателя. Что *теперь* напишетъ г. Чеховъ—въ высшей степени интересно, потому что это

новое его произведеніе должно заявить себя болѣе рѣшительнымъ тономъ автора, чѣмъ все прежнія *).

И такъ, въ теченіе менѣе чѣмъ полстолѣтія Таганрогъ далъ два крупныхъ таланта, прославившихся на всю Россію и отчасти извѣстныхъ за границею. («Хмурые люди» Чехова переведены на нѣмецкій языкъ). Цыфра эта кажется незначительною, но, на самомъ дѣлѣ, она довольно почтенная: кромѣ Петербурга и Москвы, едва ли какой нибудь городъ Россіи далъ что-либо подобное,—особенно если прибавить къ тому еще другихъ, менѣе, но тоже талантливыхъ писателей изъ Таганрога. Такъ, извѣстны еще: Гребенниковъ,—годъ или два тому назадъ утонувшій. Затѣмъ—И. Яковлевъ (Павловскій). Послѣдній пользовался большимъ расположеніемъ покойнаго И. С. Тургенева, съ которымъ онъ былъ близко знакомъ во время своихъ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ въ Парижѣ. Яковлевъ пишетъ уже давно (онъ началъ писать гораздо раньше Чехова) и пишетъ на нѣсколькихъ языкахъ, участвуя въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ и газетахъ. Въ настоящее время онъ живетъ въ Парижѣ и пишетъ оттуда корреспонденціи въ «Новое Время». Недавно вышло новое изданіе сборника рассказовъ И. Яковлева подъ общимъ заглавіемъ: «Маленькіе люди съ большимъ горемъ» и, кромѣ того, «Очерки современной Испаніи», по которой авторъ путе-

*) «Письма изъ Сибири» Чехова, печатавшіяся въ прошломъ году въ «Новомъ Времени», мы не можемъ считать единственнымъ слѣдствіемъ его поѣздки.

шествовалъ. По смерти Тургенева вышла книга Яковлева на французскомъ языкѣ: «Souvenir sur Tourgueneff»...

Кромѣ Гребенникова и Яковлева, мы должны еще упомянуть и объ Александрѣ Чеховѣ, старшемъ братѣ Антона Павловича Чехова, какъ о писателѣ тоже небезталантливомъ, который еще можетъ заявить себя въ будущемъ. Изъ Таганрога, помимо того, вышло не мало художниковъ-живописцевъ, композиторовъ и сценическихъ талантовъ. Есть также таганрожцы, прославившіеся своею издательскою дѣятельностью; къ нимъ относятся: Николай Марковичъ Фумели, издатель извѣстнаго въ свое время Одесскаго альманаха: «Литературные вечера», онъ же — пріятель Щербины, и І. Потовичъ — редакторъ-издатель «Новостей», газеты, встрѣчающейся на каждомъ шагѣ и во всякомъ мѣстѣ.

1891 г.



Памяти М. Ю. Лермонтова.

Вѣнецъ пѣвца — лѣпецъ терниста

Лермонтовъ.

«15 Юля около пяти часовъ вечера разразилась на Кавказѣ ужасная буря съ громомъ и молніей, въ это самое время между горами Манукомъ и Бенгтау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ». Этою коротенькою замѣткою, появившеюся въ газетахъ ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Россія была извѣщена о гибели великаго русскаго поэта, убитаго на дуэли 27-ми лѣтъ отъ роду. Только этимъ — и ничѣмъ болѣе. Не появилось даже некролога. Лишь со второй половины пятидесятыхъ годовъ стали появляться въ печати изслѣдованія о Лермонтовѣ и неизданныя его стихотворенія; изслѣдованія эти продолжаются до сихъ поръ и, по всей вѣроятности, еще долго будутъ продолжаться. Къ сожалѣнію, до нашего времени по-русски не написано о Лермонтовѣ ни одной статьи, которая бы превзошла достоинства и глубиною взглядовъ нѣмецкую статью о немъ Боденштегга, написанную еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Не дождался еще Лермонтовъ ни достойнаго біографа, ни достойнаго критика, исключая развѣ Бѣлинскаго, который однако не успѣлъ сказать о немъ своего послѣдняго слова.

Отчасти все это произошло потому, что при жизни поэта была напечатана лишь малая часть его про-